

Гаврилова Валентина Григорьевна, Абукаева Любовь Алексеевна

МАРИЙСКО-РУССКОЕ ВНУТРИФРАЗОВОЕ КОДОВОЕ ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ

Предметом исследования является мари́йско-русское внутрифразовое кодовое переключение. Выявляются особенности интегрирования неадаптированных подчинительных словосочетаний русского языка во фразы на мари́йском языке: стратегия совмещения единиц двух типологически разных языков, морфологическая репрезентация иноязычных подчинительных словосочетаний и их синтаксические функции.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/5-1/14.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 5 (35): в 2-х ч. Ч. I. С. 53-58. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Список литературы

1. **Василевич А. П.** Исследования лексики в психолингвистическом эксперименте (на материале цветообозначений в языках разных систем). М.: Наука, 1987. 140 с.
2. **Гак В. Г.** Беседы о французском слове (из сравнительной лексикологии французского и русского языков). М.: УРСС, 2004. 334 с.
3. **Дубровина К. Н.** Перевод многозначных слов на материале цветовых обозначений в лирике Ф. Гарсиа Лорки // Вопросы теории и техники перевода: сборник / под ред. Б. Ларина. М., 1970. С. 49-58.
4. **Клюева В. Н.** Прилагательные, обозначающие цвет во фразеологических единицах // Уч. записки 1-го Моск. гос. пед. ин-та ин. яз. М., 1956. Т. 10. С. 3-18.
5. **Любимова Е. Д.** К проблеме словесных и чувственных обобщений (на мат-ле названий цвета в эвенкийском языке) // Известия АПН РСФСР. М., 1960. Вып. 113. С. 62-71.
6. **Максенко И. В.** Семантика цвета в разнотипных языках (универсальное и национальное): дисс. ... к. филол. н. Саратов, 1999. 258 с.
7. **Морозова В. С.** Символика цветообозначения при описании концептов эмоций в современном арабском литературном языке // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 300-304.
8. **Симонов К.** Лирика. М.: Изд-во Художественной литературы, 1956. 176 с.
9. **Тимофеева А. М.** Сопоставительное исследование лингвоцветовых картин мира (на мат-ле идиолектов Н. Заболоцкого и Р. Фроста): дисс. ... к. филол. н. Тюмень, 2003. 244 с.
10. **Ходжаян Т. Р.** Психологические предпосылки создания коннотативных значений // Иностранные языки. Зарубежная литература. 1986. Вып. 6. С. 185-191.
11. **Чернер Х.** Семантический объем прилагательных, обозначающих цвета, в русском языке в сопоставлении с немецким: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 1973. 20 с.
12. **Чернова А. Д.** ...все краски мира, кроме желтой. М.: Искусство, 1987. 219 с.
13. **Шурупова О. С., Чудинова Е. В.** Цветовая гамма лондонского текста английской литературы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 11 (29). Ч. II. С. 216-219.

**SEMASIOLOGICAL APPROACH IN STUDYING COLOUR NAMING SYSTEM
IN LANGUAGES WITH DIFFERENT STRUCTURES**

Volkova Marina Gennad'evna, Ph. D. in Philology
National Research Tomsk Polytechnic University
img77@sibmail.com

The article presents the description of the colour naming system in languages with different structures (Russian, English, German, French, etc.) in terms of a semasiological approach. The author pays special attention to the analysis of direct and figurative meanings of some colour naming. In addition to direct (colour) meaning the adjectives of colour are often used in a figurative meaning. A number of different figurative meanings vary in different languages. The amount of figurative meanings also depends on the colour name.

Key words and phrases: colour; colour naming; semasiological approach; languages with different structures; direct meaning; figurative meaning.

УДК 811.511.151+811.161.1*27

Филологические науки

Предметом исследования является марийско-русское внутрифразовое кодовое переключение. Выявляются особенности интегрирования неадаптированных подчинительных словосочетаний русского языка во фразы на марийском языке: стратегия совмещения единиц двух типологически разных языков, морфологическая репрезентация иноязычных подчинительных словосочетаний и их синтаксические функции.

Ключевые слова и фразы: марийский язык; русский язык; внутрифразовое переключение кодов, или смешение кодов; фраза / предложение; неадаптированное подчинительное словосочетание.

Гаврилова Валентина Григорьевна, к. филол. н., доцент
Абукаева Любовь Алексеевна, д. филол. н., доцент
Марийский государственный университет
valgavrilova@rambler.ru; sylne@mail.ru

МАРИЙСКО-РУССКОЕ ВНУТРИФРАЗОВОЕ КОДОВОЕ ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ[©]

Смешение кодов, или внутрифразовое кодовое переключение, является неотъемлемым компонентом этноязыкового пространства народа мари. Ставшее нормой речевого поведения, смешение единиц двух языков не было предметом исследования марийских лингвистов. В настоящее время назрела настоятельная

необходимость изучения этого социолингвистического феномена. Исследование речи на предмет смешения двух языков в речи может предсказать «коммуникативную судьбу» марийского языка и будет полезным при языковом планировании.

В статье излагаются результаты исследования современной спонтанной речи жителей д. Олоры Парангинского района Республики Марий Эл на предмет выявления смешения марийского и русского языков в устном дискурсе, в частности, принципы интегрирования двух грамматик и особенности употребления неадаптированных подчинительных словосочетаний русского языка в билингвальных фразах / предложениях. Кодовое переключение понимается как явление, обусловленное социальными характеристиками говорящего и самой ситуацией общения, поэтому при сборе фактического материала фиксировались сведения о возрасте и образовательном уровне информантов. Образцы речи взяты у 56 информантов, эмпирический материал составил 30 часов спонтанной речи. Методами сбора эмпирического материала являются включенное наблюдение, нестандартизированное интервью.

Неадаптированные словосочетания образуют в простом предложении на марийском языке отдельный участок русского языка. Отношения внутренней зависимости слов в сочетании не регулируются правилами марийского языка. Не присоединяя никаких формантов марийского языка, словосочетание интегрируется в предложение по смыслу. С синтаксической точки зрения первый элемент такого переключения нарушает порядок слов марийского языка и задает свой порядок следования компонентов словосочетания, но не целого предложения, которое строится по синтаксическим правилам марийского языка, например: *Мый председатель родительского комитета лийынам* (Аркадий, 51 год, обр. сред.) *‘Я был председателем родительского комитета’*.

В структуре предложения с неадаптированным элементом гостевого языка, по сути, не происходит синтаксического конфликта, так как единицы русского языка выполняют те же синтаксические функции, которыми были бы наделены замененные единицы марийского языка. На наш взгляд, именно отсутствие конфликта между сочетаемыми единицами двух систем и совпадение (частичное или полное) семантических и грамматических особенностей эквивалентов допускает смешение кодов. Нужно постулировать, что основным правилом, регулирующим механизм марийско-русского смешения кодов, является соответствие грамматических структур и эквивалентность переменных в плане содержания и выражения. Наличие грамматического конфликта не допускает смешения кодов. К. Майерс-Скоттон ввела понятие конгруэнтности, понимаемой ею как совпадение релевантных свойств двух лингвистических категорий. Если эквиваленты двух языков неконгруэнтны, то в процессе речепроизводства блокируется появление морфем гостевого языка [4, р. 120].

Несколько иной точки зрения придерживается С. Г. Васильева. Исследуя татарско-русское разноязычие, она вводит понятие «грамматической проницаемости татарского языка», подразумевая под ним «свойство его типологической организации, которое в процессе речепорождения обуславливает широкую возможность вербализации лексем русского языка без нарушения грамматических правил структурирования татароязычной речи» [2, с. 35]. Такое свойство татарского языка предполагает, по мнению исследователя, вербализацию русских лексем без лингвистических ограничений. В свою очередь, русский язык ограничивает «возможность широкой вербализации лексем татарского языка без ущерба для их агглютинативной фоноорганизации» [Там же]. Объяснение структурирования разноязычной речи особенностями типологического строя контактирующих языков С. Г. Васильевой в целом также предполагает отсутствие грамматического конфликта. Согласно этой теории, там, где есть опасность нарушения «агглютинативной фоноорганизации», нет возможности вербализации татароязычной лексики.

Итак, конгруэнтность, являясь детерминантой, лежит в основе билингвальных марийско-русских фраз / предложений. Наличие или отсутствие сочетаемости определяет закономерности совмещения единиц двух типологически разных систем. Типологические особенности контактирующих языков налагают определенные ограничения на одни модели совмещения и делают возможными другие. В исследуемой речи преобладают неадаптированные подчинительные субстантивные словосочетания. Учитывая морфологическую природу зависимой части, можно выделить две разновидности субстантивных словосочетаний:

1) субстантивно-субстантивные, например: *Тушто должен лияш символ Марий Эл, икта(ж)-могай князь Мамич Бердей* (Аркадий, 60 лет, обр. сред.) *‘Там должен быть символ Марий Эл, какой-нибудь князь Мамич Бердей’*; *Тенгече кино ончыида, кузе конец света лиши, ончыида?* (Татьяна, 34 года, обр. сред.) *‘Вчера смотрели кино про конец света (букв. как конец света произойдет), смотрели?’*; *Ти вет память людям, тудлан так-то пеш нормально, отношений сай ыле* (Герман, 61 год, обр. сред.) *‘Это ведь память людям, поэтому так-то очень нормально, отношение было хорошим’*; *А министр обороны ыле Гречко* (Тойбулат, 79 лет, обр. сред.) *‘А министром обороны был Гречко’*; *Выпускной огыл, последний звонок годым майыште уже в конце апреля, в начале мая ыле ма?* (Игорь, 36 лет, обр. высш.) *‘Не выпускной, во время последнего звонка в мае уже в конце апреля, в начале мая было что ли?’*;

2) субстантивно-адъективные, например: *В тройке лучших кая, мане, шкеже* (Нина, 57 лет, обр. сред.) *‘В тройку лучших входит, говорит, сам’*; *А кызит мый совсем чужие люди* (Надежда, 45 лет, обр. высш.) *‘А сейчас мы совсем чужие люди’*; *«Палантай» колхозышто по трудовемким процессам пеш тыгай мо ыле, ферметым да мо да механизироватленыт, вот тудлан верчын мыйым шогалтышт тушко по трудовемким процессам* (Григорий, 65 лет, обр. сред.) *‘В колхозе имени Палантая по трудовемким процессам было очень как (букв. что) (востребовано – В. Г., Л. А.), фермы и прочее механизировали, вот из-за этого меня назначили туда по трудовемким процессам’*; *Мый первый лийынам, видимо, с высшим образованием* (Валентин, 59 лет, обр. высш.) *‘Я первый был, видимо, с высшим образованием’*.

В билингвальных предложениях представлены подчинительные словосочетания с именем числительным, в которых обнаруживается переменная связь – управление и согласование, например: *Москваи миед дык, тыйын але оксат уке, вара мый уже после тридцати лет дык, кумло ик ияш улам ыле, кумло кок ийым тушто темьшым уже, кумло ик ият пелаиш каенам дык* (Людмила, 39 лет, обр. высш.) *Приезжаешь в Москву, у тебя еще денег нет, потом я уже после тридцати лет, мне было тридцать один год, тридцать два исполнилось уже там, уехала, когда мне было тридцать один с половиной год*‘; *Школышто отменяетсям каласат – уло ньога-шамыч курыкышто кият, тридцать градусов мороза* (Николай, 25 лет, обр. сред.) *В школе занятия отменяются (букв. говорят, отменяется) – все дети на горке, тридцать градусов мороза*‘; *Где-то четыре часа застарышна, оксам сайын пуышт* (Григорий, 65 лет, обр. сред.) *Где-то четыре часа разгружали, хорошо заплатили (букв. денег дали хорошо)*‘; *Полтара часа кает пашашке, полтара часа толат* (Людмила, 39 лет, обр. высш.) *Полтора часа едешь на работу, полтора часа возвращаешься*‘; *Ик километр, наверно, лиеш дыр, ну может быть, девятьсот-шестьсот метров* (Надежда, 64 года, обр. высш.) *Один километр, наверно, будет, ну может быть, девятьсот-шестьсот метров*‘.

К менее продуктивным следует отнести субстантивные словосочетания с наречием в роли зависимого слова, например: *Таняже вет Коркатово деч ончыч поворот налево* (Дина, 19 лет, обр. непол. высш.) *Таня ведь (живет – В. Г., Л. А.) не доезжая до Коркатово поворот налево*‘.

В этой же группе рассмотрим неадаптированные сочетания определяемого слова и приложения (как пре-, так и постпозиционного), например: *Манам, Салима ака мемнан тыгай, тетя Лима тыгай?* (Зинаида, 60 лет, обр. высш.) *Говорю, тетя Салима наша такая, тетя Лима такая?*‘; *Дядя Юра мыйын тушто, чех икеже тудо* (Игорь, 36 лет, обр. высш.) *Дядя Юра мой там, чех сам он*‘; *Гора Маишук, май (мане), тиде* (Нина, 57 лет, обр. сред.) *Гора Машук, сказал, это*‘; *Мый иленам село мо... Малтинское маналтеш, город Прохладный воктен, корем гоч гына* (Татьяна, 34 года, обр. сред.) *Я жила село как... Малтинское называется, рядом с городом Прохладный, только через реку*‘; *Средний Азийышке найгайышт, город Кертышка Амударья вуд воктен* (Александр, 84 года, обр. нач.) *В Среднюю Азию увезли, город Кертышка возле реки Амударья*‘; *Навои, город Навои, Алишер Навоижым паледа?* (Тойбулат, 79 лет, обр. сред.) *Навои, город Навои, Алишера Навои-то знаете?*‘; *Улица Кныш маналтеш, ниньлан параллельно кая* (Нина, 57 лет, обр. сред.) *Улица Кныш называется, им (их улице – В. Г., Л. А.) параллельно идет*‘.

Часто используемыми в речи на марийском языке являются также неадаптированные вербальные словосочетания русского языка. Зависимая часть глагольных словосочетаний может выражаться:

1) наречиями, например: *Кудале да, мый пашам ыштем, дальше продолжаю, чиялтем, чиялтем* (Надежда, 45 лет, обр. высш.) *Он уехал, я дальше работаю, дальше продолжаю, крашу, крашу*‘; *Мый манам, тыгай дурно воспитали* (Маргарита, 52 года, обр. сред.) *Я говорю, так дурно воспитали*‘; *Бнде мый ырынам, мый вообще не мечтала* (Ольга, 17 лет, обр. непол. ср.) *Я удивилась, я вообще не мечтала*‘; *Жапым тратить напрасно* (Вячеслав, 54 года, обр. сред.) *Время тратить напрасно*‘; *Тудо все равно врезаться будет, тидлан огылыс тудо* (Раисия, 70 лет, обр. высш.) *Он все равно врезаться будет, это не из-за того же*‘; *Тушто вот мый хлебокомбинатыштем ыштышым да сразу уволилась* (Маргарита, 52 года, обр. сред.) *Там вот я работала на хлебокомбинате и сразу уволилась*‘;

2) именами существительными, например: *Тудын «огымже» мылам тугай чот на нервы действует* (Елена, 35 лет, обр. сред.) *Его «не буду» очень сильно действует мне на нервы*‘; *Мый не доживем до пенсии манын шонем мый* (Елена, 35 лет, обр. сред.) *Я думаю, что мы не доживем до пенсии*‘; *Мом ыштат кызыт ялыште кугурак теке кумло ий гычын витле ий марте, либо, если ялыште илат дык, на заработки иктаж-куш(ко) едут ие, ну каят да мо да, турло вере коштыт, калымыш ма мошко, либо школышто теке южо туньктат* (Ольга, 17 лет, обр. непол. ср.) *Чем занимаются в деревне взрослые с тридцати лет до пятидесяти, либо, если в деревне живут, на заработки куда-нибудь едут да, ну отправляются и прочее, бывают в разных местах, на калым или куда, либо в школе вот некоторые преподают*‘;

3) местоимениями, например: *Ончыч пеш ышта ыле, кушталеш (куржталеш – В. Г., Л. А.) ыле, кызыт уже ниче не хочет* (Елена, 35 лет, обр. сред.) *Раньше строил, бегал, сейчас уже ничего не хочет*‘; *Вот тынарарым ыштена гын, тынар колхозникым пукашлан, тынар зарплатым пуашлан, в общем, чыла тидым связываешь друг с другом* (Надежда, 45 лет, обр. высш.) *Вот если сделаем столько, (хватит ли – В. Г., Л. А.) накормить столько колхозников, выдать зарплату, в общем, все это связываешь друг с другом*‘.

Менее распространенными в речи информантов являются неосвоенные адъективные словосочетания, например: *И уже мый, значит, и мый шижам, што мый тудым ике декем, кузе манаш, ике декем савыренам уже, тудо мый декем уже согласны* (Надежда, 45 лет, обр. высш.) *И уже я, значит, и я чувствую, что я его к себе, как сказать, к себе расположила уже, они у меня уже согласны (страховаться – В. Г., Л. А.)*‘; *Ромик более же тылач похож* (Аркадий, 60 лет, обр. сред.) *Ромик на тебя более похож*‘; *Вот, манам, йоча-шамычлан тыгай вообще не положено* (Маргарита, 52 года, обр. сред.) *Вот, говорю, детям такое вообще не положено*‘; *У-у, кова уже готова* (Елена, 35 лет, обр. сред.) *У-у, бабушка уже готова*‘.

Редко используются в речи на марийском языке неадаптированные словосочетания из погруженного языка, главные компоненты которых выражены наречиями и причастиями, например: *А мыйже Куженер районет, Юледурет Шудумарий дечын тора огыл, лишкырак, ближе к дому* (Надежда, 64 года, обр. высш.) *А я Куженерская-то, Юледурская-то недалеко от Шудумари, поближе, ближе к дому*‘; *Тудо толеш, очень возмущенная толеш школ гыч* (Надежда, 45 лет, обр. высш.) *Она приходит, очень возмущенная приходит из школы*‘; *Уже вес ту класс полностью укомплектован ыле* (Вячеслав, 54 года, обр. высш.) *Уже другой тот класс был укомплектован полностью*‘.

Неадаптированные сложные подчинительные словосочетания также представлены в смешанных предложениях, например: *А тушто клочок даже земли, манеш, нельзя оставлять, потому што черноземный мланде* (Игорь, 36 лет, обр. высш.) *А там клочок даже земли, говорит нельзя оставлять, потому что чернозем*; *Нуно кок ганаже нуат по одной четверти таблетки* (Раисия, 70 лет, обр. высш.) *Они два раза дают по одной четверти таблетки*; *Вара тысяча шес(ть)сот сорок седьмойшто первое упоминание о Москве* (Мамич, 15 лет) *Потом в тысяча шестьсот сорок седьмом году первое упоминание о Москве*.

В предложении именные словосочетания являются одним членом предложения, зачастую подлежащим или именным сказуемым, например: *Тун ачаже – председатель колхоза, мыйын изам – бригадир комсомольский, коктын иквереш кайышит двадцать девятый январьыште сорок второй годышто* (Тойбулат, 79 лет, обр. сред.) *Его отец – председатель колхоза, мой брат – бригадир комсомольский, вдвоем вместе уехали двадцать девятого января сорок второго года*; *Пеи активный ыле тудо, особо активный даже* (Надежда, 64 года обр. высш.) *Очень активным был он, особо активным даже*.

Состав именного сказуемого может быть смешанным, поскольку глагол-связка обычно представлен марийским языком, например: *Если налаш шымле... семидесятый, восьмидесятый год ден ончаш гын йочашамычым, намного слабее ulyт, физически слабый ulyт* (Валентин, 59 лет, обр. высш.) *Если сравнивать (букв. взять) с детьми семи... семидесятых, восьмидесятых годов, намного слабее, физически слабее (дети – В. Г., Л. А.)*; *Раисия Кузьминична намного сильнее ыле тудо* (Надежда, 64 года, обр. высш.) *Раисия Кузьминична намного была сильнее*. Связочный элемент может опускаться, в таком случае сказуемое выражается только словоформами русского языка, например: *И мый очень благодарны, конечно, Татьяна Ивановна* (Надежда, 45 лет, обр. высш.) *И мы очень благодарны, конечно, Татьяне Ивановне*. Не зафиксировано ни одного случая использования глагола-связки на русском языке в сочетании с именной группой. Этот факт, на наш взгляд, является доказательством того, что грамматически ведущим является марийский язык, а глаголы *улаш, лияш* 'быть, являться, становиться' относятся к наиболее устойчивым единицам марийского языка.

Характерной для неадаптированных словосочетаний является синтаксическая функция обстоятельства времени и образа действия, например: *Тудо но вот шошым в конце мая, шошым толеи* (Маргарита, 52 года, обр. сред.) *Он, но вот весной в конце мая, весной вернется (из армии – В. Г., Л. А.)*; *Тунам вет под руководством партии ышталтын чыла* (Григорий, 65 лет, обр. сред.) *Тогда ведь под руководством партии делалось все*; *Ныл ий деч вара эше после четвертого класса мошко миенам...* (Вячеслав, 54 года, обр. высш.) *После четырех лет потом еще после четвертого класса ездил как (букв. куда)...*

Словосочетания, выступающие в роли прямого дополнения, практически всегда получают показатель винительного падежа марийского языка, несмотря на то, что в марийском языке имеется неоформленный винительный падеж. В изучаемом материале зафиксировано несколько примеров, в которых словосочетания, выполняющие функцию прямого дополнения, не присоединяют форманта винительного падежа, например: *Каласем история Марий Эл, вообще, история Марий Элым, история Олор* (Аркадий, 60 лет, обр. сред.) *Расскажу историю (букв. историю) Марий Эл, вообще, историю Марий Эл, историю Олор*; *Вечер встречи с выпускниками эртарена ыле, мылам келиша ыле* (Надежда, 64 года обр. высш.) *Вечер встречи с выпускниками проводили, мне нравилось*; *Последнийлан «Литературное чтение» кумшо класс конденцыт ыле* (Денис, 9 лет) *В последний раз приносили «Литературное чтение» за третий класс*; *Порок сердца под вопросом шынденыт* (Эдита, 39 лет, обр. сред.) *Порок сердца под вопросом поставили*; *Йочашамычлан ынде мом ыштена... конкурс рисунков, ынде конкурс моэт* (Зинаида, 60 лет, обр. высш.) *Для детей проводим как... конкурс рисунков, конкурс этот*; *Кызыт ынде мом тунемына кузе... дни недели, сенди, манди, тудетым* (Арина, 10 лет) *Сейчас учим эти как... дни недели, сенди, манди, эти*. Вероятнее всего, подобное употребление никак не связано с неоформленным винительным падежом марийского языка, а является либо формой винительного падежа русского языка, т.е. эти словосочетания выступают в форме аккузатива русского языка, либо представляют собой основную форму.

Примеры употребления словосочетаний, формально не подходящих для реализации предполагаемой синтаксической функции, встречаются редко, например: *Вара чыла тидым установитлен пытарыменге мо... шогалтышт инженер по технике безопасности* (Григорий, 65 лет, обр. сред.) *Потом после завершения установки этого (оборудования – В. Г., Л. А.) как... назначили инженером (букв. инженер) по технике безопасности*; *Вара ышташ тунальым инженер по технике безопасности* (Григорий, 65 лет, обр. сред.) *Потом начал работать инженером (букв. инженер) по технике безопасности*. Эти словосочетания должны адаптироваться присоединением к последнему слову сочетания форманта дательного падежа, как это происходит в большинстве случаев, например: *инженер по технике безопасностилан инженером по технике безопасности*.

В отличие от именных словосочетаний глагольные неадаптированные словосочетания не являются одним членом предложения. Типичная синтаксическая функция таких сочетаний – роль сказуемого и обстоятельства, сказуемого и объекта.

Кроме свободных словосочетаний русского языка используются устойчивые и фразеологические обороты, например: *Тудо, чынжым каласаш гын, семь пятниц на неделе, але тугайрак ушет* (Елена, 35 лет, обр. сред.) *У него, по правде говоря, семь пятниц на неделе, еще такое мышление*; *Но Лениным мыйже туманлен она керт мыйже, изи калыклан, наоборот, империйым пытарен, палка о двух концах* (Вячеслав, 54 года, обр. высш.) *Но мы не можем ругать Ленина, маленьким народам, наоборот, (хорошо – В. Г., Л. А.), он разрушил империю, палка о двух концах*.

Таким образом, подчинительные словосочетания русского языка, не адаптируясь, могут включаться в предложения на марийском языке, заменяя эквивалентные единицы основного языка. Примыкание как вид синтаксической связи является ведущим для использования словосочетаний, выполняющих функцию второстепенных членов предложения.

Как мы уже отмечали, в распоряжении билингва имеются вариативные единицы для выражения того или иного смысла. Относительно использования неадаптированных словосочетаний факторами, обусловившими выбор единицы русского языка, могут служить различные причины социо- и психолингвистического характера.

Как видно из примеров, выбор кода может происходить в соответствии с языком ключевого слова словосочетания. Необходимо отметить, что ключевое не всегда означает первое слово в сочетании. На наш взгляд, появление неадаптированного словосочетания, стимулированного ключевым словом, может быть объяснено, прежде всего, действием принципа экономии речевых усилий. С использованием ключевого слова на русском языке возрастает вероятность употребить единицы того же языка, чем искать соответствия в родном языке, что требует определенных речевых усилий. По мнению Р. Т. Белла, некоторые элементы вызывают переключение на другой язык иногда на два-три слова, иногда на весь остаток интеракции. Исследователь выделяет предваряющее (оказывает влияние на часть, предваряющую ее) и последующее (воздействует на элементы, следующие за ним) кодовое переключение [1, с. 188]. Само слово, вызывающее связанные с ним слова того же кода, принято называть переключателем, или триггером (англ. *trigger off* спровоцировать, вызывать). Единицы, связанные с триггером и вызываемые им, получили название переключаемого элемента. По мнению исследователей, роль триггеров зачастую выполняют заимствования, двуязычные омофоны и имена собственные, потому что они сходны по звучанию и выполняют одни и те же синтаксические функции [5, S. 219]. Действие механизма триггеринга заключается в следующем: элемент одного кода вызывает неразрывно связанную с ним единицу того же языка, например: за предлогом русского языка обязательно должна последовать падежная форма слова того же кода. Рассмотрим это на примере смешанного марийско-русского предложения: *Тушто пушепге иктаж полтара метра, наверно, чыла-чыла чиялтым* (Нина, 57 лет, обр. сред.) *‘Там есть дерево примерно полтора метра (высотой – В. Г., Л. А.), наверно, полностью (букв. все-все) покрашено’*. Триггером является слово метр, соотносящийся как с марийским, так и с русским языками, переключаемым элементом нужно считать *полтара* *‘полтора’*, именно заимствование спровоцировало появление числительного и, соответственно, целого сочетания на русском языке. Другой пример предварительного триггеринга: *Но тунам вет тошто зданий-шачет лийыныт, кузе манаши, ... прошлого века* (Игорь, 36 лет, обр. высш.) *‘Но тогда ведь старые здания были, как сказать, прошлого века’*. Переключателем в этом предложении является слово «век», которое не является культурным заимствованием, имеет соответствие *курым* в марийском языке. Дело в том, что слово *курым* *‘век’* отсутствует в идиолекте данного информанта (не только у этого, но и других опрошенных). Появление лексемы *курым* в речи информантов, на наш взгляд, свидетельствовало бы о маркированности выбора, сделанного намеренно и ориентированного на ожидания слушающего. Оказиональное заимствование *век*, в свою очередь, не маркировано, а при отсутствии интенциональности обычно выбирается немаркированная переменная. В последнем примере о сознательном выборе единиц русского языка свидетельствуют также дискурсивный маркер *кузе манаши* *‘как сказать’* и пауза, указывающая на усилия информанта по поиску синонимических средств.

Построение сочетания на русском языке возможно также из-за отсутствия эквивалентности в плане содержания и выражения между предполагаемыми переменными. Среди респондентов распространено такое мнение, что лексемы русского языка точнее передают то или иное значение, особенно это касается терминов. С точки зрения вариативности, в таком случае нет повода говорить о выборе социолингвистической переменной, т.е. альтернатива отсутствует. Говорящий использует именно это слово или сочетание как единственно подходящее и возможное.

Одним из примеров несовпадения в плане выражения могут быть коннотативные оттенки слов, принадлежащих двум разным языковым системам, например: словоформа «скоты» русского языка в отличие от «вольык» марийского языка с таким же значением имеет негативную коннотацию и является более эмоциональной. С другой стороны, по мнению Дж. Гамперца, «чем чаще два альтернанта встречаются в пределах одного и того же контекста, тем сильнее тенденция к утрате существующих между ними различий в коннотации», после которого «исчезает социальное оправдание для их раздельного существования» [3, с. 299-319].

Выяснение подсознательных причин немотивированного смешения кодов остается одной из самых сложных, но перспективных проблем социо- и психолингвистики. Можно предположить, что экономия речевых усилий как прагматическая функция и действие триггеринга в большей мере характерны для марийско-русского смешения при наличии эквивалентных единиц в обоих языках.

Таким образом, подчинительная связь между компонентами словосочетания, диктующая порядок слов, является препятствием для морфологической адаптации этих сочетаний. Морфологические и синтаксические характеристики эквивалентных словосочетаний совпадают, что не вызывает грамматического конфликта и допускает сочетание единиц двух даже типологически разных языков.

Список литературы

1. Белл Р. Т. Социоллингвистика: цели, методы и проблемы. М.: Международные отношения, 1980. 320 с.
2. Васильева С. Г. Разноязычие («смешанная речь»): диалектика явления и сущности. Казань: Мастер Лайн, 1999. 129 с.
3. Гамперц Д. Д. Об этнографическом аспекте языковых изменений // Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1975. Вып. VII. Социоллингвистика. С. 299-319.
4. Myers-Scotton C. Duelling Languages: Grammatical Structure in Code-Switching. Oxford: Clarendon Press, 1997. 285 p.
5. Turunen M. Nykyvatjan koodinvaihdoista // Virittäjä. 1997. № 2. S. 208-232.

THE MARI-RUSSIAN INTRA-PHRASE CODE SWITCHING

Gavrilova Valentina Grigor'evna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Abukaeva Lyubov' Alekseevna, Doctor in Philology, Associate Professor
Mari State University
valgavrilova@rambler.ru; sylne@mail.ru

The research subject is the Mari-Russian intra-phrase code switching. The peculiarities of integrating the unadapted subordinating phrases of the Russian language into the Mari phrases are revealed: the strategy of combining the units of two typologically different languages, the morphological representation of foreign subordinating phrases and their syntactic functions.

Key words and phrases: the Mari language; the Russian language; intra-phrase codes switching, or codes mixing; phrase / sentence; unadapted subordinating phrase.

УДК 882

Филологические науки

В статье рассматриваются символические смыслы образа Грааля в автобиографическом романе А. И. Солженицына «В круге первом», определяющие нравственно-философский аспект произведения, формирующие его духовное «измерение». Через призму символики Грааля раскрывается своеобразие тематики и проблематики романа, его композиционно-повествовательная структура, пространственно-временные координаты, принципы построения системы образов героев, определяется символический смысл и философия судьбы автобиографического героя и автора.

Ключевые слова и фразы: символика Грааля; нравственный подвиг; духовное совершенствование; автобиографизм; автобиографический герой; проблемно-тематический узел повествования; философия судьбы героя и автора.

Голикова Гузель Азгаровна, к. пед. н., доцент
Казанский (Приволжский) федеральный университет
guzel-golikova@yandex.ru

**СИМВОЛИКА ГРААЛЯ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ
А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА (РОМАН «В КРУГЕ ПЕРВОМ»)©**

А. И. Солженицын в своем творчестве выступает как писатель, публицист, философ, историк, нравоучитель. Его произведения «вбирают в себя подлинные факты истории, представляют документ эпохи, что влияет как на масштабы творчества писателя, поэтику его произведений, так и на специфику жанра» [7, с. 5]. Ярким произведением в творчестве писателя предстает роман «В круге первом», который является первым зрелым прозаическим произведением автора и имеет три редакции (1955-1958, 1964 и 1968 гг.). О грандиозности произведения выразился еще Генрих Бёлль: «У романа Солженицына — «В круге первом» огромные своды, множество перекрытий, несколько измерений: повествовательное, духовное, историко-политическое, социальное; его арки перекинуты над множеством страниц и сторон, это собор среди романов...» [3, с. 228]. Различные аспекты романа, в том числе документальный и автобиографический пласты, система образов героев, образ центрального – автобиографического героя, специфика жанра, проблематика, композиция, символическая образность, вполне, казалось бы, изучены как в российской, так и западной критике и литературоведении (статьи и труды Ж. Нива, М. Шнеерсон, А. Молько, М. Лифшица, А. Латыниной, А. Немзера, Р. Темпеста, Л. Лосева, Н. Лейдермана, М. Липовецкого, Г. Белля, Л. Сараскиной, Л. Ржевского, Е. Белопольской и др.). В то же время, до сих пор неполно освещена символика романа. Прежде всего символический образ Грааля, который является, на наш взгляд, ключевым в понимании идейного (нравственно-философского) смысла произведения, определяет его духовное измерение, тесно связан с нравственными и духовными взглядами Солженицына и влияет на композиционно-повествовательную структуру текста, пространственно-временные координаты, принципы построения системы образов героев. Знаменательно, что А. И. Солженицын в историко-биографический, социальный, политический и документальный пласты романа включает тему символико-легендарного звучания «западного образца», что для писателя, казалось бы, не характерно, так как он мыслит себя изначально продолжателем традиций русской классической литературы (прежде всего – Ф. Достоевского и Л. Толстого), и символичность в творчестве писателя, по мнению Ж. Нива, В. Чалмаева, А. Немзера и др., тесно связана с образами православия, «Ветхим» и «Новым заветами». В то же время, с точки зрения поэтики произведений автора, такое включение символического образа в реалистический пласты повествования не исключение: для прозы Солженицына «характерен эффект знаковой избыточности», его творчество «насыщено всевозможными знаменами и знаками» [1, с. 21; 10, с. 217]. Писатель сильно тяготеет к средневековью, «во многих произведениях у Солженицына встречаются